

14. К
БРЯНСКІЕ СТАРЦЫ

ТАЙНЫЙ ЯЗЫКЪ НИЩИХЪ

ЭТНОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

БРЯНСКЪ

ТИПОГРАФІЯ А. АРЦИШЕВСКАГО

67

Предлагаемый этюдъ о тайнорѣчїи (криптоглоссовъ), матеріаломъ для чего послужилъ языкъ брянскихъ нищихъ, нѣкогда въ извлеченїи былъ читанъ на одномъ изъ засѣданій Императорскаго Общества любителей древней письменности. Правда, и теперь онъ появляется не вполне и безъ этимологической своей части, а также безъ примѣчаній, въ которыхъ нерѣдко подкрѣпляется высказанная мысль и точнѣе обосновывается какое либо положеніе, поступиться чѣмъ пришлось по недостатку средствъ мѣстной типографїи, тѣмъ не менѣе и въ такомъ видѣ этнологическій очеркъ этотъ быть можетъ обратитъ на себя вниманіе ради знакомства съ одною изъ любопытныхъ бытовыхъ сторонъ нашего забытаго края.

Н. Мухановъ.

ТАЙНЫЙ ЯЗЫКЪ НИЩИХЪ

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

30602
Давно какъ-то во время лѣтняго пребыванія своего въ Брянскѣ я пригласилъ къ себѣ одного слѣпого старца, калѣку-перехожаго, и попросилъ его передать мнѣ говоркомъ всѣ тѣ духовные стихи, что онъ обычно псалить моля тѣмъ прохожихъ о спасѣнїи. Готовность старца была полная, и я записалъ отъ него варианты Федора Тирона (Хвѣдора Тырина), Егорія Храбраго, Пьяницы или Василия Касарѣцкаго, Алексѣя божьяго свѣта человека, и проч.* Подъ конецъ нашихъ сеансовъ, когда записывать уже было нечего, я въ разговорѣ намекнулъ, что у старцевъ и нищихъ, сколько извѣстно, есть свой языкъ, которымъ они иногда перебрасываются между собою не желая быть понятыми отъ постороннихъ. Собесѣдникъ подтвердилъ это и тутъ же на мою просьбу продиктовалъ все что могъ припомнить или что зналъ

* Двѣ псалки: «Алексѣй божїй человекъ» и «Архангелъ Михаилъ» напечатаны въ Брянскомъ Вѣстникѣ за 1894 годъ.

изъ своего тайнаго языка, которому онъ, также какъ и псалкамъ (духовнымъ стихамъ) научился въ дѣтствѣ отъ башкановъ (старшихъ) будучи у нихъ въ качествѣ дружки поводыря. Выраженія эти образовали небольшой лексиконъ, представляющій любопытную страницу русской этнологіи. Здѣсь встрѣчается немало словъ видимо греческаго происхожденія, таковы напримѣръ Ахвѣсъ, галость, крѣсо, и проч.; есть слова непонятныя, наприм. лепюга—вода, Стодь—Богъ, etc.; иныя же напротивъ дѣланныя, какъ бы указывающія на семинарское происхожденіе, напримѣръ липусъ—лапти, и др. На этотъ послѣдній источникъ, помнится, указывалъ покойный И. М. Снегиревъ, замѣтивъ что нѣкогда знаменитая сосенка на питейномъ домѣ не каламбуръ-ли какого книжнаго человѣка?

Бѣдный и составленный исключительно про свой немудрый обиходъ, языкъ старцевъ, нищихъ, калѣкъ-перехожихъ напоминаетъ собою другіе такіе же языки, наприм. (ближе всего) жаргонъ офеней, прасоловъ, и проч.

Въ Описаніи Кричевскаго графства, составленномъ Андреемъ Мейеромъ въ 1786 году, есть весьма любопытное указаніе на особый языкъ мѣстнаго населенія. „Я думаю, говоритъ авторъ Описанія—что не противно будетъ, если я упомяну здѣсь о томъ нарѣчій, которыми всѣ (?) кричевскіе мѣщане, портные, сапожники и другихъ мастеретвъ люди, а особливо живущіе около польской границы корелы (не отъ кореловъ, а отъ грабежей своихъ такъ названые крестьяне) между собою изъясняются. Сіе нарѣчіе подобно многимъ російскимъ, а особливо суздальскому, введено въ употребленіе праздношатавшимися и въ распутствѣ жившими мастеравыми, которые привыкнувъ уже къ лѣности и пьянству, при-

нужденными находились для прокормленія своего оное выдумать и сплестъ, дабы посторонніе ихъ не разумѣли, и они всѣхъ тѣмъ удобнѣе обкрадывать и мошенничать могли. Оно не основано ни на какихъ правилахъ, и кромѣ множества произвольно вымышленныхъ состоитъ еще изъ переломанныхъ нѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Употребляемая между ими такая рѣчь называется здѣсь отвернишкою или отвращенною“ (Рукопись бібліотеки казанскаго университета, лл. 4 об.—6).

Языкъ офеней (торгашей-ходебщиковъ) также служить имъ для разговоровъ только въ присутствіи другихъ, между собою же они говорятъ всегда языкомъ общимъ, великорусскимъ.

То же самое говоритъ Романовъ о катрушницкомъ лемезенѣ, тайномъ языкѣ шаповаловъ. „Лемезень свой катрушники-шаповалы употребляютъ только въѣ дома, въ рабочихъ отлучкахъ, и никогда не говорятъ на немъ на родинѣ. Дѣлается это во первыхъ изъ нежеланія его профанировать (sic), во вторыхъ изъ опасенія, чтобы не изучили его мѣстные евреи, эксплуатирующіе, какъ и вездѣ, темную народную массу. Осторожность шаповаловъ дошла въ этомъ отношеніи до того, что лемезень ихъ неизвѣстенъ даже членамъ семьи, незанимающимся шаповальствомъ“ (Живая Старина, I).

То же самое надо сказать и относительно языка прасоловъ.

Кому не извѣстно также, что изъ желанія скрыть отъ покупателя настоящую цѣну товара, чуть ли не въ каждомъ магазинѣ введены свои тайныя отмѣтки, для чего подбираютъ какое либо слово или реченіе изъ десяти разныхъ буквъ (наприм. Португалія, правосудіе, Іерусалимъ, любви правду, пучеглазый, Got hilf uns,

borge nicht, gardez vous, и т. подобн.), которыя и служить затѣмъ условными цифрами, причемъ въ отмѣткахъ большія литеры означаютъ рубли, строчныя — копейки.

Есть нарочито тайный языкъ, извѣстный argot (нѣмецк. rothwälsch, Gaunersprache, англ. cant, slang), собственно воровской языкъ, языкъ мошенниковъ. Далѣе, есть особый языкъ тюремныхъ сидѣльцевъ и вообще мѣстъ заключенія; языкъ ссыльныхъ и арестантовъ, состоящій изъ своихъ реченій: припомнимъ здѣсь оригинальный языкъ декабристовъ, которые будучи въ Петропавловской крѣпости переговаривались между собою постукиваньемъ. Есть школьный жаргонъ, жаргонъ канцелярій, военный, условный языкъ цвѣтовъ и цвѣта (окраски), нѣкогда былъ языкъ мушекъ, вѣера, есть языкъ перчатокъ, и проч., и проч. Для условныхъ переговоровъ, на Руси съизстари служилъ между прочимъ свистъ, употреблявшійся не одними разбойниками. Извѣстна народная пѣсня:

Научить ли ты, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить:
Ты не улицей ходи —
Переулочкомъ,
Ты не голосомъ кричи —
Соловьемъ свищи,
Чтобы я млада-младенька
Догадалася,
И съ пиру бы-со бесѣды
Поднималася...

Перечислить всѣ условные (тайные) языки или жаргонъ отдѣльных классовъ—нѣтъ никакой возможности, ибо здѣсь открытое и безграничное поле самой пылкой фантазіи, причемъ каждая риторическая фигура, будь то метафора, иронія, аллегорія, etc., однажды принимаясь извѣстнымъ кружкомъ тѣмъ самымъ уже получаетъ въ немъ право гражданства и понемногу вступаетъ затѣмъ въ общій оборотъ, при случаѣ замѣняя собою обычное слово.

Къ этой же категоріи жаргона (или вѣрифе—argò) надо отнести и условный языкъ сдѣланный изъ языка обыкновеннаго. Самый общеупотребительный и самый относительно старинный языкъ этого рода есть такъ называемый разговоръ по хѣрамъ, когда слогъ хѣръ (произношеніе буквы **х** церковно-славянскаго алфавита) или какой другой, что все равно—вставляется между каждымъ слогомъ произносимаго слова, причемъ къ началу, а иногда и къ окончанію слова также приставляется избранный слогъ. По этой системѣ предложеніе наприм. „покуримъ трубочки“ будетъ таково: хѣрпохѣркухѣрримъ хѣртрухѣрбочхѣркихѣрь. Или послѣдній слогъ каждаго слова складываютъ по церковно-славянскому произношенію, для вящей же темноты и невразумительности слова произносятъ скоро и дѣлаютъ на концѣ особое удареніе, такъ сказать отчеканиваютъ послѣдній слогъ: покуримъ-мыслете-ер-мъ трубочки-како-иже-ки. Говорятъ также заранѣе условясь въ извѣстныхъ приставкахъ къ слову, причемъ самыя выраженія раздѣляютъ напополамъ и ставятъ эти части одну на мѣсто другой: ши-бочки-тру-цы рим-поку-тацы, здѣсь ши и цы—условныя приставки, бочки—вторая половина слова, тру—первая (трубочки), рим—вторая половина, поку—первая (покуримъ), тацы—приставка, и т. подобн.

Слѣдуетъ сказать, что языкъ *argot* не настолько богатъ, чтобы на немъ существовали рѣшительно все выраженія, почему для образованія новаго слова—къ обыкновенному реченію приставляютъ какой нибудь слогъ, и съ такимъ окончаніемъ извѣстное выраженіе находясь въ ряду другихъ дѣйствительно непонятныхъ (изобрѣтенныхъ, придуманныхъ) становится уже положительно неузнаваемо.

Не можемъ не отмѣтить здѣсь слѣдующаго обстоятельства: даже у Резьянъ, народца относительно небольшого, изслѣдователь ихъ языка, профессоръ Бодуэнъ-де Куртена, подмѣтилъ еще особый, тайный, никому постороннему непонятный; автору замѣтки о семъ удалось слышать всего лишь нѣсколько фразъ этого языка, состоящихъ главнымъ образомъ изъ обыкновенныхъ резьянскихъ словъ, но употребленныхъ въ иносказательномъ, переносномъ смыслѣ (Сборникъ академіи наукъ, XXI).

Относительно происхожденія слова *argot* мнѣнія расходятся. Такъ, одни изъ лексикографовъ выводятъ его отъ города Аргоса, „потому что большая часть выраженій сего языка составлена изъ словъ заимствованныхъ съ греческаго“. Приводимъ это мнѣніе какъ одно изъ распространенныхъ наиболѣе. Другіе напротивъ производятъ этотъ языкъ отъ имени *Ragot*, нѣкоего бродяги временъ Людовика XII: отсюда и произошло-де выраженіе *ragoter* вмѣсто *grommeler* и *murmurer*, въ смыслѣ канючить, христарadniчать. Третьи видятъ корень сего слова въ латинскомъ *ergo*, и проч.

Затѣмъ въ опредѣленіи характера *argot* этимологи также расходятся. По словамъ однихъ, *rothwälsch*

(то же что argot)—eine unverständliche Spitzbubensprache, непонятный мошеннический язык (langue des filous). Кроме rothwälsch, у нѣмцевъ есть еще другое названіе сего языка—kokamloschen, что собственно значить языкъ левкачей (пройдохъ), представляетъ же онъ собою смѣсь простонароднаго верхне-нѣмецкаго и жидовско-нѣмецкаго жаргона, и т. п., и судя по оборотамъ рѣчи и построенію фразы можно съ достовѣрностію сказать что первые изобрѣтатели сего языка были непременно евреи. Другіе называютъ его Bettelsprache—языкъ нищихъ. Въ одной брошюрѣ Общества поощренія духовно-правственнаго чтенія сказано что воровскія мошенническія шайки въ Лондонѣ говорятъ своимъ особымъ, варварскимъ языкомъ. У русской голи перекатной жаргонъ ея называется музыка, и самое выраженіе „ходить по музыкѣ“ значить воровать, мошенничать.

Весьма типичное названіе этихъ людей—золоторотецъ—давно получило право гражданства и употребляется почти всюду, во всей Россіи, хотя есть у нихъ и свои особенныя или скорѣе мѣстныя названія. Такъ, въ Петербургѣ это мазурики, мазурѣ проклятая, кадеты вяземской лавры; въ Москвѣ это жулики, жулибія, хитровцы; въ Харьковѣ ихъ зовутъ раклы (ед. раклѣ); въ Саратовѣ—корсаки, галаховецъ; въ Орлѣ это босяки, и проч. Названіе „босякъ“ какъ родовое встрѣчается впрочемъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Называютъ ихъ также посадскими (въ Кронштадтѣ), въ Казани суконщиками, отъ пригородной Суконной слободы, нѣкогда населенной фабричными, отличавшимися буйнымъ характеромъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ къ босякамъ и золоторотцамъ примѣняютъ русское Karmantschik (карманщикъ, буквально значить мошенникъ). Какъ выро-

дилось понятіе сего послѣдняго слова можно судить по тому, что въ старину мошеннической промыселъ не считался зазорнымъ, имъ занимались наравнѣ съ другими ремеслами, и въ городахъ, наприм. въ Можайскѣ, были цѣлыя улицы, по официальной переписи значившіяся какъ заселенныя мошенниками [занимавшимися шитьемъ (кожаныхъ) кошельковъ]. Между прочимъ, не отсюда ли ироническое народное „обшить“ въ значеніи обмануть, а „шитикъ“ въ смыслѣ мошенникъ?

Въ старину на Руси мошенниковъ звали костарями. Собственно костарить значитъ ловко попадать биткою въ бабки, отсюда костарь или костыръ—сначала искусный игрокъ въ бабки, и потомъ—мошенникъ, то же что зерщикъ, промышлявшій игрою въ кости, нынѣшній шуллеръ. Похожденія костарей далеко впрочемъ оставляютъ за собою подвиги теперешнихъ мазуриковъ: это было нѣчто ужасное, сколько можно судить по эпизодамъ, сохранившимся въ дрезнихъ актахъ. Приведемъ нѣ выдержку одинъ изъ множества подобныхъ, встрѣченный нами въ грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича (1546 года марта 26) крестьянамъ и присельчанамъ Антропьевской слободы, на рѣкѣ Лузѣ, въ Устюжскомъ уѣздѣ. Въ грамотѣ повторяются слѣдующіе мотивы жалобщиковъ: „... и держать де имъ того стану непочему, и того станового двора ставить имъ нѣчемъ, и держать его нѣкому, потому что де у нихъ въ той слободкѣ доводчикъ корчму держалъ сильно, а прежде сего у нихъ корчмы не бывало въ той слободкѣ, а та де ихъ слободка стоитъ на дорогахъ, на великопермской, и на вяткой и на велегоцкой, и съ тѣхъ де у нихъ дорогъ на тотъ становой дворъ на корчму приходятъ всякіе люди: тати и разбойники и костари, и

у того доводчика корчму пьютъ всегда, и тѣхъ слободскихъ людей бьютъ и грабятъ и крадутъ, и проходу мимо того двора слобожанамъ нѣтъ, потому что многихъ людей до смерти бьютъ, и тѣми людьми мертвыми ихъ (слобожанъ) подмываютъ, и (тѣмъ) чинятъ имъ убытки великіе“...

Происхожденіе тайнаго языка или что то же тайнописи (криптографія, стеганографія) восходитъ къ глубокой древности и возникло изъ потребности недопускать до всеобщаго свѣдѣнія такихъ извѣстій или событій, которыя по существу своему предназначались лишь для опредѣленнаго (своего) кружка, для нѣкоторыхъ лицъ. Средства къ сему были различны. Писали такъ называемыми симпатическими (невидимыми) чернилами, способъ вызывать которыя извѣстенъ былъ только тому, кому адресовалась тайнопись. Изобрѣтали также для сей цѣли особые письма. О первомъ приѣмѣ говорить Геродотъ, и приводитъ нѣсколько примѣровъ подобной тайнописи. Собственно же криптографію находимъ у спартацевъ, о чемъ упоминаетъ Плутархъ. Особенно сильное развитіе получилъ тайный языкъ у христіанъ первыхъ вѣковъ, когда преимущественно господствовала символика, аллегорическія изображенія и эмблемы, въ коихъ скрывалась идея о Божественномъ Искупителѣ міра и Его ученіи (Орфей, Добрый Пастырь образовавшійся изъ Гермеса кріофора, рыба, якорь, и мн. др.).

Съ теченіемъ времени криптографія постепенно теряла свой прежній характеръ, и теперь уступка тайнописи и иной взглядъ на нее могутъ быть оправдываемы по отношенію развѣ къ высшимъ цѣлямъ, ея преслѣдуемымъ: такова наприм. дипломатическая или какая

либо другая важная переписка, гдѣ есть или предполагается къ тому особаго рода необходимость; такова, далѣе, криптографія, употребляемая съ благочестивою цѣлю, ради безвѣстности и вящаго смиренія чловѣка, наприм. надписи на предметахъ приносимыхъ въ даръ церкви; сокрытіе имени писателемъ своего труда, составителемъ житія святаго, какого либо сборника, цвѣтника, и т. п. Для сей цѣли встарину употребляли особня, придуманныя письмена, или употреблялась такъ называемая литорея, тарабарская грамота (азбука). Наши брянцы, наприм., нюхнувшіе западнаго просвѣщенія наѣздами по торговлѣ въ Ригу — случалось дѣлали запись латинскими буквами, нерѣдко наоборотъ, отъ правой руки къ лѣвой, что еще болѣе осложняло разгадку написаннаго (такія записи обыкновенно читали въ зеркало). Или употребляли иносказательный счетъ, раскрывавшій тайну при переложеніи его на буквенныя цифры кириллицы, наприм.: Пятьдесятъ равны шестериками осморѣчнымъ да исполниши единощи чотыредесятное седмипею совершеннѣйшею десятирицъ почитай, съ нимже девятное число съ пятимъ присовокупляй, четверосугубнымъ исполненіе воспріемлють, т.-е.: $(50.6) + 8 + 40 + 70 + 9 + 5 + (4.2)$, что въ переводѣ на церковно-славянскій буквенный счетъ даетъ **тимооеи**. Или вотъ другая подобная же запись: „Кто писалъ книгу сына церковнаго пмя списавшаго. Рабъ къ рабу умнымъ перочернительствомъ слово сѣдель въ дому своего господина нѣкоего купца теченіе стоялъ, его же званію вина всесложнымъ совокупленіемъ седьмописменно въ числѣ сто шестеро и девять десятеро. Начертаніе же чотыредесятное съ десятнымъ, и паки сто третицею сугубо съ первымъ и осмиричное предваряетъ тридесат-

ному съ ономъ. Время же на тысячи разъ читаемо седми, и надъ сторицею десять, восьмое по сихъ. Десятого мѣсяца, третьи девятины числа, подъ солнечными зрями предлагающее бо изведохъ“. Имя писателя, какъ читатель вѣроятно уже догадался—**михаила**, что въ суммѣ дастъ 690 ($40 + 10 + 600 + 1 + 8 + 30 + 1$), время же опредѣлится 7118мъ (1610) годомъ 27 іюня.

Наконецъ криптографія допускается изъ похвальнаго чувства скрыть отъ другихъ что либо зазорное, неприличное. Приведемъ образецъ сего по рукописи нашего собранія: это „Мышкинскій мѣсяцесловъ, (какъ его) мірскимъ крестьянскимъ нарѣчіемъ называютъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ, а счисленіе (здѣсь) по старому штилю. Сочинено 1779 году“. Прекрасный по единству статей, сборникъ этотъ содержитъ нѣчто въ родѣ правилъ нѣкогда соблюдавшихся въ общежитіи при разныхъ случаяхъ, присловья, поговорки, и т. п. Помѣщаемъ нѣсколько примѣровъ отсюда въ точныхъ факсимиле, предоставляя желающимъ разгадать тайный смыслъ приводимыхъ реченій.

Утомъ Мерскоиъ
Заста по мѣ Товаря

Η ΕΒΑΤΟΛΟΜΗ ΕΚΒΑ
 ΜΟ. ΟΝ ΤΩΣ ΟΥΣ.
 ΕΚΡΥΚΝ. 75987
 ΙΧΣ ΚΑΡΟΝ.

2000 81 P I V n x P 55 0 n v P 20 I n z o v.

Ежели сивернословной затоворя апуло дог или жена сизу. иу вифа замолтаи.	ахо зяи все чаи. прошу и исполите тово рило. Моя жена баба старая. зоворчи всю позполяется, а у доге ри. золотуши зате мени. О догох дох +220, 20х502525 +2457.	тогда кспотения, не говоря. или поусиной проз бе, дучи врати это когн, то замб. врати бонб; или хоза зана снже. по слови чу. ко снже. по записи
---	--	--

Царь Алексѣй Михайловичъ очень любилъ криптографію. Известна тайнопись на колоколѣ, принесенномъ имъ въ даръ Саввино-Сторожевскому монастырю. Иногда царь видимо тѣшился этимъ способомъ выраженія. Сохранилось собственноручное письмо его къ Матюшкину, гдѣ содержаніе читается по первымъ, начальнымъ буквамъ реченій. Интересно, что здѣсь сказался также и методъ обученія грамотѣ встарину (ѣрмъ, ьрмъ). Вотъ это посланіе, подлинникъ коего хранится въ Археографической Комиссіи:

„Борись Андрѣй Родивонъ Троѣимъ ѣрмъ Карпъ Андрѣй Калисть ѣрмъ Троѣимъ Енохъ Борисъ Янось Недромонъ Ёнохъ Троѣимъ ѣрмъ Троѣимъ азъ какъ (зачеркнуто: крома ѣрмъ) ѣрмъ мой есть нашъ азъ хѣръ лой Ёнохъ бой онъ мой ѣрмъ зай зой азъ кай азъ луй (зачеркнуто: луй) онъ юсь ирь Ной азъ казь онъ рюхъ ьрмъ мигъ изъ Теерь ьрмъ вашъ Ёнохъ какъ охъ мурашька зхъ (sic). А потомъ будь здравъ“.

При дешифрированіи записка даетъ: „Бартъ (ошибка, вмѣсто братъ), какъ тебя нѣтъ, такъ меня хлѣбомъ з закалою и накормить нѣкому“...

Можно слѣдовательно сказать, что едва ли не въ каждомъ словѣ общества, и притомъ на всѣхъ его ступеняхъ—есть или по крайней мѣрѣ былъ какой либо особый, свой тайный языкъ, обусловленный тою или другою необходимостью. Такова, повторимъ, была христіанская символика, носящая характеръ прообразовательный, таковъ таинственный языкъ иконъ, божественныхъ изображеній; таково шифрованное письмо и всякій условный языкъ; таковы наконецъ вымирающіе остатки тайнаго языка нищихъ, старцевъ, быть можетъ нѣкогда употреблявшіеся въ средѣ нашихъ первыхъ паломниковъ, ходившихъ

на христіанскій Востокъ для поклоненія святиѣ и записаннаго ими оттуда; таковъ же тайный языкъ офеней, почти во всемъ сходный съ нищенскимъ и безъ сомнѣнія подобно ему образовавшійся подъ сильнымъ вліяніемъ греческимъ.

Отъ языка тайнаго слѣдуетъ различать языкъ таинственный, таковы священнодѣйствія служащихъ отправляющихъ какое либо таинство, таковы же и обряды, совершаемые лицомъ духовнымъ или міряниномъ (ср. обрядъ поборатимства, юридическіе символы, заклинанія, и проч.).

Вопросъ—откуда взялись офени и откуда взялся офенскій языкъ—рѣшается различно. Къ объясненію сего приводятъ нѣсколько преданій или толкованій самихъ офеней. Они говорятъ во первыхъ, что гдѣ случится быть двоимъ или троимъ офенямъ—они называютъ себя мясыками или масыками, а мясыки-де былъ народъ кочевавшій по Волгѣ, и отъ этого народа они будто и заимствовали свое названіе и (тайный) языкъ свой. Другое преданіе говоритъ, что торговцы-венгры изъ города Офена первые стали называться офенями, а потомъ это названіе перешло уже и къ мѣстнымъ ходобщикамъ. По третьему сказанію, названіе офеней производится отъ того, что греки, начавъ вести въ значительныхъ размѣрахъ торговлю съ Русью, явились сюда въ видѣ переселенцевъ изъ Аоніи, и потому назывались аонии, аоніи, или по владимірскому произношенію—офени. Дѣйствительно, въ XV столѣтіи было большое переселеніе грековъ, между прочимъ и къ намъ на Русь, и названіе аоніянъ или офеней могло перейти отъ нихъ ко владимірскимъ ходобщикамъ, имѣвшимъ съ ними торго-

выя сношенія, это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и донинѣ въ искусственномъ офенскомъ языкѣ много словъ взятыхъ прямо съ греческаго. Мыѣніе это принимается какъ болѣе другихъ правдоподобное. Покойный профессоръ В. И. Григоровичъ выводилъ слово „афень“ изъ языка татаръ, что значитъ—оставленный, отшедшій. Очень возможенъ и такой источникъ сего названія, но остановиться на чемъ либо, принявъ за непреложное одну какую вибудь этимологію изъ приведенныхъ—не рѣшаемся, пока не будетъ собрано болѣе лингвистическаго матеріала, причемъ немаловажную роль будетъ играть топографическое распредѣленіе языка офеней и нищихъ.

Относительно зарожденія тайнаго языка собственно у нищихъ и старцевъ кажется не можетъ быть двухъ гипотезъ. Какъ мы уже выше сказали, болѣе чѣмъ вѣроятно онъ долженъ былъ впервые появиться среди паломниковъ, нуждавшихся для своего обихода на Востокъ въ греческомъ языкѣ, который затѣмъ въ видѣ тайнаго или вѣрнѣе непонятнаго діалакта для окружающихъ—постепенно насаждался ими по возвращеніи на родину и постепенно передавался другимъ. Сюда же, къ этой категоріи паломниковъ долженъ быть причисленъ и тотъ бродячій элементъ, странники, калѣки-перехожіе, о которыхъ говорятъ наши былины и упоминаютъ историческіе документы. Сохранились письменные памятники, нѣчто въ родѣ словарей, гдѣ приведены и подобраны греческія фразы съ русскою ихъ транскрипціей и переводомъ. Правда, памятники извѣстные намъ не восходятъ слишкомъ далеко, относительно они поздняго времени, но ранѣе при неразвитіи письменности они врядъ-ли бы и могли явиться.

Вотъ словарь тайнаго языка брянскихъ нищихъ, записанный отъ слѣпного старца Карпа Антонова Перфильева, изъ села Голяжья, Брянскаго уѣзда.

Антиль, антилы — блинъ, блины

антильница — сковорода, противень

ахвесь — Богъ

ахвеситься — божиться, клясться

ахвесникъ — образъ, икона

ахвесность — набожность

ахвесный — набожный

ахвеса ёнусть (іонусть) — Христось, Сынъ Божій

Багры — хоромы (большой городской домъ)

баддохъ — солдатъ

башканъ — отецъ (старшій)

бездѣсь — здѣсь

безулѣный — слѣпой

будаць — портной, швецъ

буклина — палка

буклинникъ — мостъ (полъ)

буклянь — стаканъ

бурмиха — полшубокъ

бусать — пить

Варзоха — rodex

варнушка — курица, пѣтухъ

вершатъ — смотрѣть, остерегаться, быть на-сторожѣ

ветошникъ — дьячокъ

вислики — женскія груди

воксикъ (оксикъ?) — лѣсь

волить — хотѣть

волоха, волошка — рубаха, рубашка

вомеръ — восемь

вытерочка — фосфорная спичка

Галость — соль

гальмо — молоко

гальютый — большой

гамыра — водка

гармей — лукъ (зеленый и рѣпчатый)

громоха — картофель и картофельная похлебка

Девянтимирь — девять

декунъ — десять

дербакъ — товарищъ

дулей — чай

дуликъ — огонь (поддулить — поджечь)

лякать — давать (дикни — дай)

Ехвить — есть, быть, имѣть: ехвить (или яхвить) яны
бездѣсь — здѣсь ли они?

ерой — старый

ерякъ — старикъ

ерячокъ — старичокъ

Забатлить — запретъ

здю — два

здюдекунъ — двадцать

здюмарушный — двугривенный (см. маруха и марушникъ)

здю на декунъ — двѣнадцать

зетать — просить

Юный (ѣный) — одинъ

іѣный на декунъ — одиннадцать

Калтышъ — кувшинъ

камлюжникъ — колюжъ

кархвиль (корфилъ) — священникъ

керья — три

кимать — спать

клѣвый — хороший

клюга — церковь
клюжать — лежать
кобухвея (кобуфея) — женщина
ковры — господа
комисарь — гусь
котерь, **котерёнокъ** — поводырь, мальчикъ (ребенокъ)
кочева, **кочевуха** — шапка
кресо — мясо
кривона — дѣвица
кутазы — колокола

Ласта — vulva (ср. русское срамота)

ленюга — вода
липусъ — лапти
ловака — лошадь
лопуха — капуста, шти
лохмакъ — пятакъ
лыкша — ланша

Мазоха — солома

маруха — тройка (мѣдная монета въ три копейки, прежняя гривна)

марушникъ — гривейникъ
махлянина — баранина
махлянки, **махляночки** — баранки (крендельки)
меліасъ — медъ
микрый — малый, небольшой
микрёнокъ — поводырь, то же что **котерь**
мотырь — ножъ
мотулки — оборки

Накуправо — направо

нашеволѣто — налѣво

нѣстить — нѣту

Парка — изба, хата

пежналцать — пятнадцать

пеньжа — пять

покимать — поспать

псалить — пѣть духовные стихи, псалмы или псалки

псалка, псалочка — духовный стихъ, псалма

пеуль — phallus

Савосто — сто

сапурать — молчать

сбрыдки — дрова

сентимиръ — семь

сентить — coitum habere cum femina

сентярка — монета въ двѣ копейки (семь ассигнаціонныхъ)

сиворно — холодно

скила (скиль) — собака

скиршати́на — поросяти́на

скрипы — ворота

скробы — сапоги

снадить — ходить

спасня — милостыня

стешакъ — печка

стербалка, стербалочка — ложка, ложечка

стиблыко — яблоко

стодъ — Богъ

стодуница — восковая свѣча

стрекось — грешневая крупа

сымарь — хлѣбъ

сыруха — земля

Трепѣлый — молодой

троить — ѣсть

трохвилка (трофилка) — копейка

трубеха — корова, быкъ

Уклинать — украсть

устрѣха — дорога

усянать — взять

ухливать — уходить, см. хлить

Хамиръ — мѣръ, народъ

хазъ — домъ (городской или хорошій деревенскій, въ отл-
чѣе отъ парки, см. это слово)

херка — рука

хезить — evacuare

хило — нехорошо, дурно

хлить — ходить

ходара — нога

Цыцерь — четыре, цыцерный — четверной и четвертной

цѣлимый (цалимый) — рубль, цѣлковый

цѣлитный — цѣлый

Чумичка — разливательная ложка

чуна́ться — молиться

чунахъ — монахъ

Шамачка — табакъ

шихта — дѣвка

шолѣ — поле

шохманъ — шесть

шуста́нь — зинунъ

шутылка — бутылка

шшегло — слуховое окно

Изъ этого матеріала видно, что многія слова несо-
мѣнно греческаго происхожденія (наприм.: Ахвесь,
галость, декунъ, кресо, трепелый, херка, и проч.), если
же добавитъ къ сему выраженія офенскія, также грече-
скія, то получится процентъ еще большій. Между при-

веденными словами есть нѣсколько мѣстныхъ, есть выраженія цыганскія (котерь, сымарь или сумарь; южно-русское ракло — мазурикъ или жуликъ, тоже взято изъ языка цыганскаго). Есть нѣмецкое Haus (хазъ), еврейское — шихта, татарское — бусать, польское — кобухвея и шведское — стодь. Не говоря о словахъ составленныхъ искусственно, каковы: бѣздѣсь, накупрáво, и т. п., многія изъ приведенныхъ выраженій брянскихъ нищихъ тождественны съ языкомъ лаборей, лирниковъ, и другихъ.

Языкъ нищихъ, офеней, etc., включительно до какого либо тайнаго, условнаго, образовавшись подъ влияниемъ русской рѣчи, тѣмъ самымъ во всемъ строѣ своемъ и во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ подчиняется законамъ языка господствующаго, великорусскаго. Особой грамматики сего языка поэтому нѣтъ и быть не можетъ, иначе за жаргономъ или какимъ нибудь языкомъ искусственнымъ слѣдовало бы признать самостоятельность, на что онъ права не имѣетъ. Исключеніе составляетъ языкъ цыганскій (въ польскомъ синонимъ плутовскаго) и отлично организованный жаргонъ нѣмецкихъ мошенниковъ: образованный изъ древне-еврейскаго съ примѣсю разныхъ говоровъ нѣмецкаго, языкъ этотъ (Gaunersprache), по свидѣтельству В. Авé-Lallemant — совершенно обособился и имѣетъ свои правила. Не то, говоримъ, съ языкомъ нашихъ нищихъ, офеней, музыкой, и т. п. Возьмемъ на выдержку слово микрый — малый. Это чисто греческое слово русскій человѣкъ освоилъ и сдѣлалъ отсюда: микренькій — маленькій, микрець — малецъ, и проч. Или: ёрой — старый, давнее: ерякъ — старикъ, ерячокъ — старичокъ, ёршій — старшій (даже въ значеніи офицера), и т. дал. Склоненіе всѣхъ этихъ словъ будетъ совершенно

русское, причѣмъ числительныя подчиняются или русскимъ законамъ или строю языка церковно-славянскаго. Мѣстоименія или общія съ языкомъ русскимъ, или же свои (у офеней). Спряженіе глаголовъ—русское. Такъ, взятое съ греческаго кимать будетъ: кимаю, кимаешь, и т. дал. Нарѣчія, предлоги и союзы, также какъ у офеней, въ музыкѣ, и проч.—русскіе, но междометія какъ производная часть рѣчи—могутъ быть свои.

Поставленный въ особыя условія къ окружающему міру, калѣка-перехожій, нѣкогда образецъ благочестиваго чловѣка, съ теченіемъ времени выродился въ нынѣшняго нищаго, старца расиѣвающаго псалки. Безулыный, въ заботахъ о своей спаснѣ онъ чисто механически повторяетъ теперь стихъ о Хвѣдорѣ Тыринѣ, Василии Касарецкомъ и двѣнадцати пятницахъ, дорожа при этомъ одною лишь трохвилкой, дабы въ тотъ день имѣть возможность купить себѣ микрый буклянъ гамыры, потроить громохи и затѣмъ пожимать въ наркѣ. Память о языкѣ заимствованномъ понемногу утратилась, чистый греческій языкъ обратился въ нищенскій жаргонъ, въ концѣ концовъ и этотъ послѣдній сдѣлался теперь достояніемъ лишь немногихъ, и кажется безъ большой ошибки можно сказать что недалеко то время, когда подъ воздействием новыхъ условій быта языкъ нищихъ, офеней, лирниковъ, шаповаловъ, и т. п. —вымретъ совершенно.

Ревниво оберегаемый въ своей средѣ, какъ все тайное, завѣтное, языкъ нищихъ, если не ошибаемся, впервые появился на свѣтъ не такъ давно: нѣсколько словъ бѣлорусскихъ старцевъ помѣщено въ Матеріалахъ для сравнительнаго словаря (С. Микуцкій) и затѣмъ какъ нѣчто самостоятельно-цѣлое—въ Сборникѣ Отдѣ-

ленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ подъ заглавіемъ: „Русско-нищенскій словарь“ (Ф. Сцепуры), съ отзывомъ о немъ академика Бычкова. Какъ офенскій языкъ, съ которымъ языкъ нищихъ имѣеть большое сходство, разсматриваемый нами криптоглоссонъ обращалъ на себя вниманіе значительно равьше (Срезневскій), но особый интересъ онъ получить только при сближеніи его съ таковымъ же старцевъ другихъ мѣстностей, когда можно будетъ судить—сколько и что именно сохранилось въ немъ своего, стариннаго, греческаго, хотя бы въ искаженномъ видѣ, что прившло къ нему изъ другой среды, и т. п. Весьма важно посему прослѣдить языкъ нищихъ въ отношеніи топографическомъ, для чего потребны еще многія записи.

Любопытенъ взглядъ на офенскій, или что то же — нищенскій языкъ, высказанный двумя корифеями русскаго слова, Срезневскимъ и Далемъ.

Къ числу очень замѣчательныхъ явленій въ исторіи русскаго народнаго языка, говорить Срезневскій—принадлежитъ образованіе такъ называемаго афинскаго или офенскаго нарѣчія, почти совершенно непонятнаго по составу своему и совершенно правильнаго по строю. Безспорно, далѣе продолжаетъ академикъ — что въ афинское нарѣчіе введены теперь и такія слова, которыя происходятъ отъ русскихъ корней повторяютъ ихъ только въ вывороченномъ видѣ... Афинское нарѣчіе есть нарѣчіе мѣстное—костромское и владимірское, очень многія слова его въ общемъ ходу не только въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Владимірской и другихъ окрестныхъ, но и въ другихъ сѣверныхъ, а нѣкоторыя извѣстны въ разныхъ другихъ краяхъ... Всматриваясь внимательно въ составъ афинскаго нарѣчія, нельзя не остановиться

на такихъ словахъ, которыя были въ старомъ русскомъ или до сихъ поръ находятся въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, или же относятся къ древнѣйшему достоянію европейскихъ языковъ.

Все это опредѣленіе, вѣрное въ принципѣ, тѣмъ не менѣе весьма неудовлетворительно, оно чрезчуръ расплывчиво и темно, ибо говорить о сущности и происхожденіи офенскаго языка въ выраженіяхъ до того общихъ и туманныхъ, что ихъ легко можно примѣнить не только къ офенскому языку, но и ко всякому русскому мѣстному говору. Между тѣмъ ближайшее знакомство этимолога съ офенскимъ языкомъ и языкомъ нищихъ укажетъ весьма мало словъ „въ вывороченомъ видѣ“. Оба языка, офенскій и нищенскій въ ихъ чистомъ видѣ — суть остатки языка греческаго, а вовсе не мѣстное костромское или владимірское нарѣчіе, подлѣ чѣмъ разумѣется лишь говоръ и весьма незначительная часть словъ особенныхъ (мѣстныхъ). Что до выраженій относящихся „къ древнѣйшему достоянію европейскихъ языковъ“, то великъ ли этотъ элементъ чтобы говорить о немъ какъ о существенной части языка сфеней и нищихъ, и не составляетъ ли онъ нарощенія болѣе поздняго? Наконецъ какія-жъ это слова у сфеней и нищихъ, и много ли такихъ, которыя „были въ старомъ русскомъ или до сихъ поръ находятся въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ?“

Даль иного мнѣнія. Между прочимъ онъ полагалъ что языки искусственные (къ каковымъ онъ относитъ и языкъ офенскій) изобрѣтены наобумъ, или же, далѣе говорить онъ — нѣкоторыя слова происхожденія неизвѣстнаго. Въ другихъ выраженіяхъ Даль видитъ только иное значеніе словъ обыкновенныхъ: наприм. кестёръ — городъ, отемнѣть — умереть, тогда какъ оба выраженія эти чисто греческія.

Въ одномъ изъ своихъ бытовыхъ романовъ (Переселенцы) Григоровичъ (Д. В.) приводитъ нѣсколько образчиковъ условнаго языка тульскихъ и рязанскихъ нищихъ, которые, по словамъ писателя, составляютъ какъ бы одну семью (?), и затѣмъ добавляетъ: „Богъ вѣсть откуда взялся и кѣмъ созданъ этотъ языкъ“ (слова приведенныя въ романѣ сходны съ выраженіями брянскихъ нищихъ).

Греческій элементъ въ языкѣ старцевъ (нищихъ, калѣкъ-перехожихъ), офеней, etc., слишкомъ очевиденъ для всякаго чтобы отрицать его, но какъ и когда образовался этотъ языкъ—трудно сказать что либо определенное. Тѣ древніе памятники наши, въ которыхъ встрѣчаются греческія слова, пришедшія въ русскій языкъ съиздавна, также какъ и въ греческомъ выраженія славянскія—не дадутъ отвѣта, ибо природа и характеръ тѣхъ заимствованій иные чѣмъ созданіе въ какомъ либо классѣ населенія цѣлаго словаря, составленнаго къ тому же съ извѣстною, исключительною цѣлью. Допустить что въ дѣлѣ образованія языка нищихъ и офеней играетъ роль позднѣйшее вліяніе школы, духовныхъ училищъ—значило бы не восходить далѣе XVI—XVII вѣка. Но здѣсь опять сами собой являются слѣдующіе вопросы: Могла ли одна какая нибудь бурса, какая нибудь, положимъ, острожская латинская школа или даже самъ могилянскій коллегіумъ породить столькихъ себѣ подражателей, и притомъ въ разныхъ концахъ Россіи, и какъ могъ этотъ искусственный бурсацкій жаргонъ такъ скоро привиться и главное—усвоиться, войти въ плоть и кровь, стать необходимымъ только лишь среди простого, крестьянскаго населенія, въ одномъ случаѣ—въ классѣ относительно богатомъ или по крайней мѣрѣ состоятельномъ,

торговомъ (офени, прасолы), и въ другомъ тутъ же рядомъ — въ средѣ нищихъ (неимущихъ), изъ которыхъ одни питались отъ церкви божіей, а другіе, по мѣткому выраженію былинь, составляли голь кабацкую, пьяницъ валявшихся подъ избицами? Припомнимъ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, когда на зовъ удалца новгородскаго „вылѣзають добры молодцы изъ-подъ избицы“, и „все то были тати, воры, разбойники, плутъ, мошенникъ“... Съ этою дружиною Буслаевъ ходилъ потомъ въ Іерусалимъ градь... въ Ерданѣ рѣкѣ искупатися.

Думаемъ посему факторъ здѣсь былъ иной.

Гораздо ближе, проще и естественнѣе допустить другую гипотезу и въ основу ея положить единственную причину происхожденія языка офеней и нищихъ.

У первыхъ (офеней) онъ могъ явиться вслѣдствіе потребности при сношеніяхъ съ греками, съ которыми русскіе или непосредственно приходили въ соприкосновеніе въ самой Византіи, или по сѣверному побережью Чернаго моря, или же сталкивались съ ними въ Болгаріи, въ мѣстахъ лежащихъ по Дунаю. Есть извѣстіе, что торговля русскихъ купцовъ съ Византіею чрезъ Черное море и съ мусульманскими странами чрезъ Каспійское — производилась еще въ сороковыхъ годахъ IX столѣтія, самыя же торговыя связи образовались конечно хотъ нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе. Фактически достоверно также, что отъ III до VII вѣка славяне подвигались на югъ, западъ и сѣверо-западъ, по мѣрѣ того какъ открывали имъ путь германцы... Безпрепятственно спускались они по выходѣ готовъ изъ Мизіи — на югъ, отъ устьевъ Дуная до самыхъ береговъ Целопопнесса, гдѣ они прозябали (sic) еще въ XV столѣтіи. Какъ германцы, такъ равно и славяне имѣли нужду въ возрожденіи христіанствомъ,

чтобы упрочить и оживить въ себѣ врожденную имъ, по индо-европейскому происхожденію, моральную силу, и чтобы не соблазниться приманками магометанства, которыя представлялись имъ съ разныхъ сторонъ, отъ Средиземнаго моря до Камы (Кунигъ. Васильевскій).

Въ языкѣ офеней есть одно замѣчательное выраженіе до нѣкоторой степени могущее служить указателемъ на сношенія владимірцевъ съ югомъ, хотя и позднѣйшія. Городъ Москва, какъ извѣстно слышущій у простонародья подъ именемъ „Большой деревни“, по офенски называется Батуса. Странное съ перваго разу и непонятное слово это легко объясняется если припомнить что есть Батусекъ (или Батасекъ), торговое поселеніе по сую сторону Дуная, на притокъ его Сарвицъ, къ сѣверу отъ Мухача, по дорогѣ изъ Митровицы въ Буда-Пештъ (Офентъ) (Raffelsperger). Совершенно естественно и безъ большой натяжки могло составиться понятіе, что если есть небольшой торговый Батусекъ, то почему же Москву, эту большую деревню—не назвать Батусой?

У вторыхъ (нищихъ)—это остатки того малаго разговорнаго языка, что нѣкогда приходилось употреблять русскимъ страннымъ людямъ во время путешествія своего также на югъ, на Аѳонъ и въ Палестину. Извѣстно, что стремленіе русскихъ къ Святымъ мѣстамъ современно просвѣщенію Россіи христіанскою вѣрой, и едва ли уже не съ этой поры отмѣчается у насъ бродячій людъ. Такъ, въ Впрашаніи Кюриковъ читаемъ слѣдующее:

„... А иже се, рѣхъ: идуть въ сторону, въ Ерусалимъ къ святымъ, а другимъ азъ борюю, не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти. Нынѣ другое уставихъ: есть ли ми, владыко, въ томъ грѣхъ? Велми, рече, добро твориши: да того дѣля идеть, абы порозну

ходяче ясти и пити; а то ино зло, борони, рече“ (Калайдовичъ: Памятники XII вѣка).

Въ обзорѣ русскихъ лѣтописей относительно содержания и характера ихъ, преимущественно церковно-историческаго, находимъ: О странствующихъ въ Іерусалимъ по склонности къ бродяжничеству и потомъ „незатворяющихъ отъ велерѣчія устъ своихъ и повѣдающихъ съ прилыганіемъ яже на онѣхъ земляхъ“... (Православный Собесѣдникъ 1860).

Въ рукописной кормчей конца XV вѣка соловецкой бібліотеки говорится: „... друзи же отходятъ отъ женъ своихъ. не по закону остризаются. а не хотяще тружати и отходить въ Іерусалимъ и въ прочая грады ищуще лкоты. и тамо помятнися възвращаются въ дома своя. кающеся безумнаго труда своего“.

Временное раскаяніе однихъ въ „безумномъ“ (безцѣльномъ) трудѣ не останавливало однако другихъ отъ желанія въ свою очередь также потрудиться. И справедливо говоря—строго судить за это темную массу нельзя. Не только у насъ, русскихъ, вездѣ и всегда Святымъ мѣстамъ придается высшее, такъ сказать цивилизующее значеніе, причемъ, не говоря ужъ о самыхъ мѣстахъ поклоненія, большую роль играетъ именно странствование къ нимъ. Во время пути невольно, само собою происходитъ сравненіе своего, одомашняго, съ чужимъ, дѣлается анализъ того и другого, происходитъ заимствование лучшаго, цѣнятся свое хорошее, и т. п., по возвращеніи же нескончаемые рассказы о виденномъ, въ крайнемъ случаѣ—безмолвное удивленіе передъ чѣмъ либо недостижимымъ. Вообще впечатлѣнія пути не проходятъ для человѣка безслѣдно. Что въ числѣ паломниковъ

могли встрѣчаться и порочные — нисколько не удивительно, ибо среди достаточныхъ болѣе чѣмъ вѣроятно были нищія и калѣки. Последнее выраженіе означаетъ бѣднаго, неимущаго, нищаго, а такой классъ скорѣе другихъ вынуждаемъ бываетъ обстоятельствами на преступленія. Идя Христовымъ именемъ, питаясь скуднымъ подаваніемъ, бездомный и безпріютный людъ соблазняется на проступки въ надеждѣ на безнаказанность: сегодня путникъ здѣсь, завтра онъ за двадцать верстъ, ищи его съ вѣтромъ въ полѣ.

Неподо забывать, что при странствованіяхъ къ святымъ мѣстамъ громадное значеніе имѣетъ еще климатъ: и русскихъ и другихъ жителей сѣвера (скандинавовъ) изъ ихъ суровой страны больше всего манилъ къ себѣ благодатный югъ. Мѣстныя это стало ходячимъ, и вотъ съ какою характеристикой являются нынѣ паломники въ литературныхъ произведеніяхъ даже мелкой ежедневной прессы:

„... Деревня Юрасовка стоитъ на пѣшеходномъ трактѣ, между двумя обителями. Круглый годъ, не говоря про весну и лѣто, а даже и осенью, и непогодною зимой, много идетъ черезъ деревню всякаго народа, извѣстнаго подъ прозвищемъ „страннаго люда“: кто идетъ Богу молиться, кто такъ гуляетъ по русскому простору, изъ любви къ бродяжничеству, а попадаетъ и потаенный путникъ, который только самъ можетъ сказать о себѣ, кто онъ такой, куда и зачѣмъ идетъ. И разнаго поведенія народъ: кто смиренный и богобоязненный, а кто очень ужъ веселый, словоохотливый, а кто и просто безпечный“.

Съ теченіемъ времени ночлежная изба стала „любимымъ мѣстомъ сходбища бабъ и дѣтей, по большей

части для собесѣдованія съ богомольцами. Узнаютъ бабы, что въ ночлежной „все благочестиво“, начнутъ понемногу собираться, чтобы поглазѣть и послушать боголюбезнаго путника. Бываетъ, что путникъ или путница и поучать начнетъ, да такъ, что бабы переглядываются, — неладныя рѣчи слышать; но тутъ всегда выручалъ самъ Егоръ Терехинъ (хозяинъ избы), во время подобныхъ собесѣдованій обыкновенно сидѣвшій на порогѣ съ трубкой, пропуская тоненькія струйки махорки въ щель отворенной двери. Услышитъ онъ, что странникъ ужъ очень гнетъ бабъ на свою сторону, сплюнетъ, глянетъ исподлобья, да и прорычить: „а ты, рабъ божій, проповѣдуй, да прислушивайся къ себѣ, а то что-то ужъ очень заумничалъ, не пора ли и спать ложиться?“

.....

Зима. Давно уже надоѣли трескучіе морозы. Бабы совсѣмъ безъ дѣла сидятъ, не знаютъ куда себя дѣвать.

Вечерѣетъ.

Ярко свѣтятся замороженные окна ночлежной избы; изъ трубы дымъ столбомъ валитъ.

— Что это Терехины засвѣтились такъ ярко? — спрашиваетъ сосѣдка сосѣдку.

— Да, небось, странникъ какой-нибудь пришелъ. Глядишь, принесъ что нибудь, ну, и давай грѣться, на ночь-то глядя.

— А не знаешь, дома Егоръ-то?

— Съ обѣда ушелъ въ рощу, на лыжахъ пошagaлъ.

— Ой-ли? Пойдемъ въ ночлежную, можетъ и услышимъ что-нибудь.

— Пойдемъ. Надо куда-нибудь вечеръ-то дѣвать! Со скотиной убралась.

И пошли бабы въ ночлежную избу.

А тутъ ужъ собрались кое-кто изъ сосѣдокъ. Грѣются около печи, въ которой яркимъ пламенемъ горитъ еловый пень, а сами прислушиваются къ странницѣ съ обгорѣлымъ, словно изъ красной глины вылѣпленнымъ лицомъ, прилаживающей къ огню мѣдный чайникъ съ водой.

— Чтой-то, родная, ты въ такіе морозы тронулась?.. И не страшно вамъ, отчаянныя головы? Тутъ отъ деревни до деревни народъ мерзнетъ, а они, вонъ, идутъ и идутъ...

— А угоднички-то божіи на что? — перекрестившись съ улыбкой отвѣчаетъ странница. — А потомъ я на Кіевъ иду, и чѣмъ дальше пойду, тѣмъ мнѣ теплѣе будетъ... Къ февралю-то дойду до хохлацкой стороны, а тутъ объ эту пору и совсѣмъ тепло бываетъ. А и то надо покаяться вамъ, бабыньки: — не успѣла я ноженьки поразмять, какъ прямо мнѣ на встрѣчу діавольское искушеніе "... и проч. (М. Рудниковскій: Московскій Листокъ 1893, 61).

Порочный элементъ нашихъ паломниковъ осѣлъ въ такомъ казалось бы Святомъ мѣстѣ, какъ Аѳонъ.

Покойный архимандритъ Антонинъ, начальникъ нашей миссіи въ Іерусалимѣ, говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „... Наиболѣе тяжелую особенность тамошніе (аѳонскіе) монастыри-зámки имѣютъ въ себѣ зловѣщій пиргъ или пиргу, какъ выражаются наши пройди-свѣтъ соотечественники, занесенные туда рокомъ (большею частію въ образѣ Дуная) и преслѣдуемые и на чужбинѣ памятью кто карцера, кто чижовки, а кто и прямо тюрьмы“ (Изъ Румеліи).

Другой писатель говоритъ о семъ почти въ тождественныхъ выраженіяхъ: „Нѣкоторые (аѳонскіе)

отшельники почему-то не говорят о причинах своего бѣства и стараются даже замять подобные распросы, точно боятся ихъ. Эти отшельники, какъ я замѣтилъ, со страхомъ смотрятъ на каждаго помѣщика или офицера, прѣзжающаго на Аѳонъ, боясь узнать въ немъ своего бывшаго начальника. Ихъ прошлое темно "... (Н. Благовѣщенскій: Аѳонъ).

И офени, классъ богатый, люди торговые по преимуществу, и нищѣ-калѣки, люди странные, какъ мы уже упомянули—сходились на югъ, причемъ однихъ тянуло къ себѣ Царьградъ и область Дуная, другіе направлялись въ Палестину и на Аѳонъ блуждая по пути у сѣверныхъ береговъ Черпаго моря. Туда же, на югъ, въ Византію, и тѣмъ же путемъ, что и русскіе странники, шли скандинавскіе пилигримы, и шведы отправлялись туда раньше норвежцевъ. Шведское „Stod“ въ языкѣ брянскихъ нищихъ объясняется теперь весьма просто. Stod — собственно значить изваяніе, статуя. Въ офенскомъ языкѣ: стѳда, стѳдница — значить икона; счѳдѳха [щѳдѳха, що(сто)дѳха] — божба, счѳдѳться — [що(сто)дѳться] — божиться; наше нищенское: столуница — восковая свѣча, также понятно. Столкновение же паломниковъ во время пути съ разнымъ народомъ объясняетъ дальнѣйшій иноязычный притокъ въ родную рѣчь, среди которой греческій элементъ въ словарь нищихъ и офеней составляетъ часть преобладающую.

Два пути отъ насъ вело на югъ, и оба они образуютъ какъ бы уголь, стороны коего — одна по Прибалтійскому побережью и бассейну Днѣпра, а другая отъ Мери внизъ по Дону — сходились у своей вершины, у

Черного моря. Клады идутъ въ этомъ же направленіи и наибольшее ихъ число должно заключаться въ очерченномъ пространствѣ.

Не знаемъ, есть ли особый языкъ, похожій на разсматриваемый нами нищенскій или на офенскій — далѣе на востокъ и сѣверо-востокъ отъ старой Мери. Въ Вятской губерніи намъ встрѣтилась фамилія крестьянъ Микрюковыхъ, и это, кажется, послѣдній предѣлъ распространенія языка офеней. Въ Сибири его нѣтъ. На сѣверо-западѣ тайный языкъ нищихъ до сихъ поръ хранился въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, гдѣ онъ вымираетъ, немного живетъ онъ на югѣ, есть въ Орловской и встрѣчается у нищихъ въ Тульской и Рязанской губерніяхъ, но, повторяемъ, недалеко то время когда языкъ этотъ исчезнетъ совершенно. „Нищенская молодежь изучаетъ его уже неохотно и повидимому обрекла его на забвеніе, употребляя по преимуществу „отверническую говорку“, т.-е. обыкновенный бѣлорусскій языкъ, но съ прибавленіями или вставками въ слова особыхъ частицъ“ (Романовъ. Ср. выше Описаніе Кричевскаго графства).

Языкъ нищихъ и калѣкъ-перехожихъ, языкъ офеней, отверническая рѣчь, катрушницкій лемезень, любецкій лементъ, языкъ лаборей, и проч., и проч., все это вѣтви одного дерева, потомки одного отца, выродившіеся вслѣдствіе различныхъ требованій и условій жизни и затѣмъ принявшіе въ себя отгѣнки мѣстнаго говора. Къ такому заключенію приводятъ всѣ свидѣтельства о языкѣ нищихъ и офеней, поскольку онъ сохранился въ этой средѣ. Книжное вліяніе (бурса) въ данномъ случаѣ едва ли коснулось народа, хотя совершенно нельзя отрицать этого, ибо въ составѣ странныхъ людей могъ оказаться всякій.

Нельзя посему не пожелать чтобы было собрано наибольшее количество словъ изъ тайнаго языка нищихъ или иного класса. Тогда только изъ области гаданій можно притти къ выводамъ сколько нибудь положительнымъ. Дѣлу сему особенно должно помочь указаніе мѣстности, дабы точнѣе опредѣлить топографическое распространеніе языка.

Разработка затронутого нами тайнорѣчія, собственно этимологія этой любопытной амальгамы—еще ждетъ своихъ изслѣдователей.

„Я убѣжденъ теперь, говорить въ одномъ изъ своихъ трудовъ Погодинъ, что для первыхъ страницъ Русской Исторіи долженъ быть источникомъ не Несторъ, не лѣтопись, а живой языкъ, изъ котораго должно возсоздать духовное, умственное состояніе народа, происхождение и развитіе его понятій, складъ его ума и движеніе мыслей“. Область духа, созданіе какого бы то ни было языка не есть явленіе заурядное и творчество человѣка въ этомъ направленіи не должно оставаться чуждо самаго подробнаго анализа. Проникая глубже въ организмъ слова — откроемъ связь его съ процессомъ мышленія получимъ языкъ, опредѣлительный показатель духа (Григоровичъ В. И.).

Лучшій документъ для бытовой исторіи, тайный языкъ обнимаетъ собою лишь небольшую часть отношеній какого либо кружка, и то въ немногихъ классахъ, но и здѣсь при его изученіи намъ долженъ открыться особый міръ, достойный серьезнаго вниманія и полный живого и глубокаго интереса.

